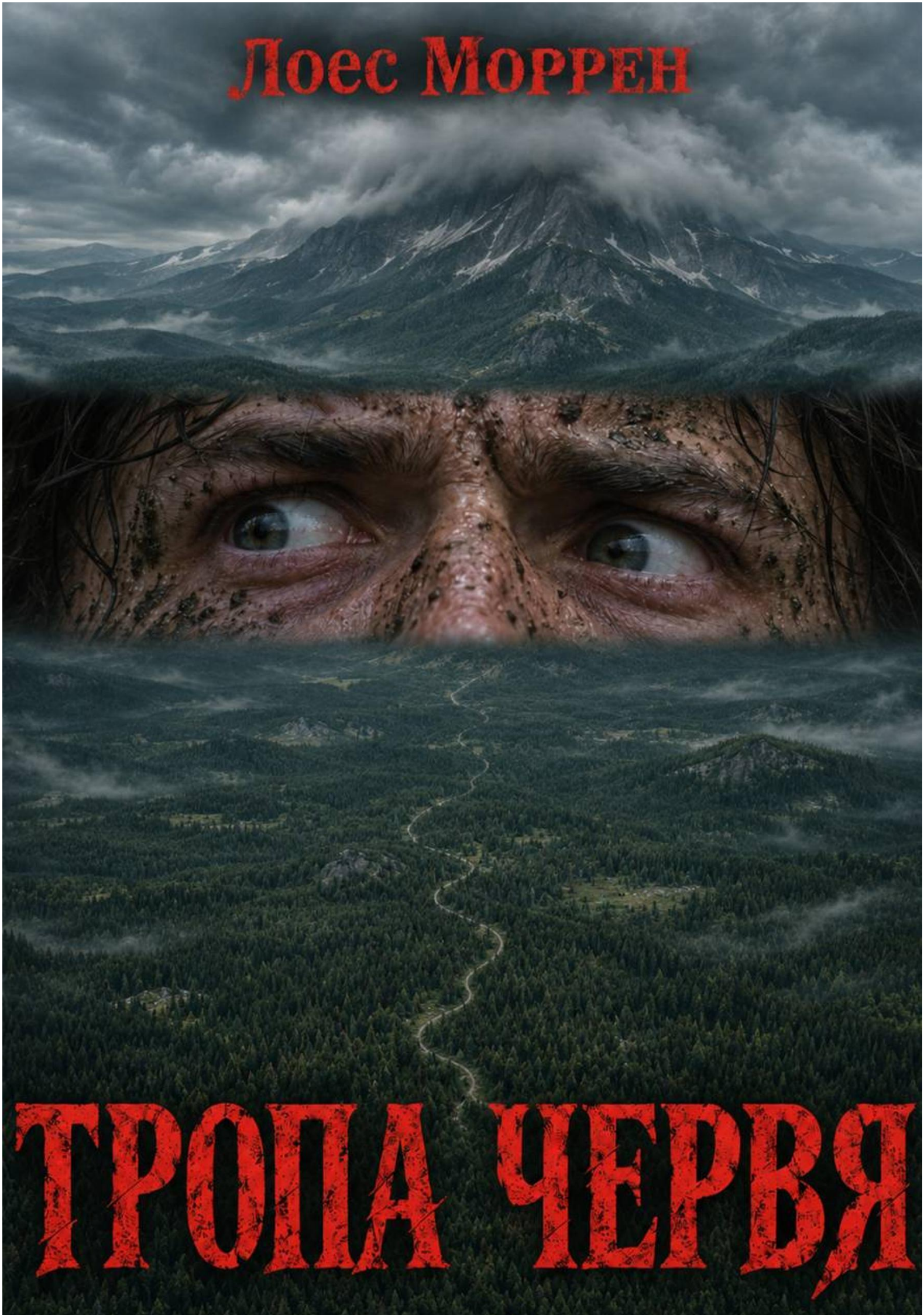
Лоес Моррен

ТРОПА ЧЕРВЯ

Лоес Моррен

Тропа Червя

«Автор»
2026

Моррен Л.

Тропа Червя / Л. Моррен — «Автор», 2026

- Если услышишь, что кто-то идёт за тобой, дай ему пройти.Старик в баре Белл-Крика смотрит прямо на Мэта, пока его друзья смеются. У входа в парк висят пять объявлений о пропавших. На одном из снимков у мужчины такой же рюкзак, как у Мэта. Он фотографирует доску и догоняет Люка и Оуэна. До Молер-Пойнт они рассчитывают дойти засветло.Среди ночи за палаткой что-то волочится по мокрым листьям. Люк идёт проверить и исчезает между деревьями. Оуэн обещает принести верёвку, когда Мэт проваливается под землю. Больше Мэт не слышит его шагов. В темноте что-то холодное скользит под манжету и медленно огибает косточку запястья изнутри.На рассвете Мэт приходит в себя у шлагбаума. Поисковики находят палатку пустой. Пока они прочёсывают лес, Мэт запирается в гостиничном номере и слышит у самого уха одно слово: «Убей».К утру этим словом исписаны стены. Дверь всё ещё заперта изнутри, а на пальце Мэта засохли чёрные чернила.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Тропа Червя

Глава 1

Табличку с названием города наполовину закрывала ветка, и Мэт прочитал «Белл-Крик», только когда они проехали мимо. Он обернулся, чтобы разглядеть цифры под названием, но в заднем стекле уже мелькнула спина Оуэна, полезшего за бутылкой воды на заднюю полку. Дорога нырнула под железнодорожный мост, и на несколько секунд сквозь приоткрытые окна потянуло сыростью. На той стороне моста солнце лежало поперёк улицы, и Мэту пришлось опустить козырёк.

Он держал телефон у самого стекла, пока на карте загружался их участок шоссе. Точка дрогнула, перескочила через шоссе и замерла посреди пустого зелёного поля. Внизу мелкими буквами появилось сообщение о слабом сигнале. Мэт повернул экран к Люку, но тот уже высматривал, где припарковаться.

— Дай мне минуту, пока здесь хоть что-то ловит. Я хочу понять, с какой стороны заходить к горе. На одной карте у них два входа, а на другой дорога обрывается прямо посреди леса.

Люк втиснул машину между пикапом с откидным бортом и бордюром, у которого росла трава. Двигатель смолк, и стало слышно, как в дверном кармане перекатывается пустая банка из-под кофе. Мэт прижал её коленом, чтобы она перестала стучать. Когда он поднял глаза, Люк уже открывал багажник.

— В апреле ты ждал, пока сойдёт снег, — сказал Люк с улицы. — В мае Оуэн пообещал кому-то помочь с переездом, а в июне я сам всё отменил. Если мы сейчас ещё полчаса просидим в машине, мне проще снять квартиру в этом городе и ходить к вашей горе после работы.

— Я до сих пор жду, когда мне за тот переезд заплатят, — сказал Оуэн. — Так что с квартирой пока обожди. Мэт, дай посмотреть, что у тебя там за два входа.

Мэт протянул ему телефон, но экран погас раньше, чем Оуэн его взял. Друзья уже несколько месяцев говорили об этой поездке, и сейчас, пока Люк с грохотом двигал вещи в багажнике, Мэту вдруг стало стыдно за своё «дай минуту». Он знал, что скажет, если они выедут из города и упрются в закрытый въезд. Ему даже стало неловко оттого, с какой лёгкостью он представил себе эту маленькую победу.

На сиденье Мэта лежала кепка, которую Эмма сунула ему утром со словами, что ночью он первым начнёт жаловаться на холод. Он вернулся за ней, хотя от нагретой крыши машины сейчас пекло даже через футболку. Под сиденьем хрустнул пакет, и Мэт увидел старую парковочную квитанцию с прошлого похода, где они чуть не опоздали к закрытию ворот. Он хотел показать её Люку, но передумал и затолкал обратно носком ботинка.

Оуэн вытащил из кармана двери бумажную карту, купленную на заправке, и расправил её на капоте. Въезд обозначался чёрным квадратиком у шоссе, а второй, который смутил Мэта, оказался старой дорогой к служебным постройкам. От квадратика к Молер-Пойнт вела пунктирная линия. У подножия она заворачивала почти на себя, и Мэт провёл по этому изгибу ногтем, запоминая его.

— Вот тебе вход, — сказал Оуэн и сложил карту по старым сгибам. — А если хочешь узнать, что там с дорогой сегодня, вон бар. Спросим у человека, который хотя бы живёт по эту сторону моста.

Он сунул карту в нагрудный карман Мэта, придержал ткань, пока тот застёгивал клапан, и пошёл к багажнику. Люк выставил рюкзаки на тротуар и, покопавшись в своём, протянул Мэту пакет с бутербродом. Мэт оставил его дома на столе и только сейчас понял, что Люк,

вернувшийся перед выездом якобы за ключами, сходил за ним. Пакет был тёплый после дороги, и Мэт убрал его в боковой карман.

Со стороны шоссе потянуло горячей пылью. Мимо проехала женщина на велосипеде с охапкой почты в передней корзине, и Люк уступил ей тротуар, шагнув на проезжую часть. Мэт подхватил рюкзак, просунул руки в лямки и почувствовал знакомую тяжесть спальника у поясницы. Через дорогу Оуэн уже держал дверь бара, и Мэт махнул ему, чтобы заходил.

В баре было прохладнее, чем на улице, и пахло лимонной коркой и сырым деревом. Мэт сразу услышал холодильник под стойкой, потом негромкую песню из динамика над дверью. Певец тянул слова так долго, что Мэт успел поставить обе ноги на перекладину табурета, прежде чем тот допел одну строку. Снимать рюкзак он не стал, только развернулся боком, чтобы спальником не смахнуть с соседнего табурета меню.

Люк поставил локти на стойку и попросил три шота виски. Оуэн вытащил бумажник, но Люк придержал его руку и напомнил, что в прошлый раз тот платил за бензин. Пока они препирались из-за нескольких долларов, Мэт отодвинул липкую подставку для стакана и увидел под ней круглое сухое пятно. Ему захотелось пить, и он попросил ещё воды на всех.

Женщина за стойкой выставила три рюмки и наполнила их по очереди, держа бутылку низко, почти у стекла. На пальце у неё белел свежий след от пластыря, и, когда она потянулась за стаканами для воды, Мэт заметил на запястье мелкие царапины. Женщина поймала его взгляд и повернула руку ладонью кверху. На рукаве зацепилась маленькая засохшая колючка, которую она сняла и положила рядом с кассой.

— Я думала, опять за грибами, пока не увидела спальники. Куда собрались с таким грузом? Если к озеру, там после дождя подъезд развезло, лучше машину оставить здесь.

— Мы пешком, — сказал Мэт. — Хотим пройти по Тропе Червя и переночевать у подножия Молер-Пойнт. Утром пройдёмся вдоль склона и вернёмся той же дорогой.

Женщина поставила перед ним воду и посмотрела на часы над полкой с бутылками. Мэт тоже поднял глаза и увидел, что уже половина третьего. После моста ему казалось, будто у них ещё почти целый день, а теперь он сам принялся отнимать от оставшегося света остановки, подъём и время на палатку. Люк поднёс рюмку к носу, скривился от запаха и поставил её обратно.

— Во сколько рассчитываете дойти? — спросила женщина. — У ручья доску после дождя могло смыть. Я утром ходила по нижней дороге, там ещё вода стоит в колеях.

— Мы налегке, — ответил Люк и покосился на спальник, торчавший у него за плечом. — По крайней мере, пока Оуэн не вспомнил, сколько банок сунул ко мне в рюкзак. Если что, бросим его у ручья, пусть готовит ужин.

Мэт отпил воды и спросил, есть ли до горы сухое место под палатку. Женщина вытерла стойку полотенцем и попросила карту. Мэт вынул её из кармана, расправил, прижал один угол своим стаканом, а второй протянул Оуэну, потому что бумага тут же стала сворачиваться. Пока барменша искала ручку у кассы, ему снова попался на глаза изгиб тропы у подножия, похожий на участок нитки, которую стянули с катушки и бросили на стол.

— Вот ручей, — сказала она, коснувшись карты концом ручки. — Чуть дальше будет метка середины маршрута и ровная площадка справа. Ставьте палатку там, если начнёт смеркаться, а до Молер-Пойнт дойдёте утром.

Она поставила крестик. Чернила сразу расплылись в том месте, где на бумагу попала капля со стакана, и Мэт промокнул её салфеткой. От воды бумага стала прозрачной, и сквозь серый склон проступила надпись с оборота, перевёрнутая и почти неразборчивая.

Мэт наклонился, чтобы посмотреть, сколько осталось от крестика до горы, и услышал скрежет ножек стула по полу. За соседним столиком до этого сидел пожилой мужчина с чашкой, которую он держал обеими руками. Теперь он отодвинулся от стола, чашку оставил на

блюдце, и Мэт заметил, что пальцы у него всё ещё согнуты так, будто между ними осталась горячая чашка.

На сиденье рядом со стариком лежала выцветшая кепка с продавленным козырьком. Мэт успел подумать, что мужчина полезет за ней и уйдёт. Тот поставил ноги шире, опёрся на стол и посмотрел на карту, которую женщина ещё придерживала кончиками пальцев. Бумага чуть шевелилась от воздуха из решётки над стойкой.

— К горе не ходите, — сказал старик. — До ручья можете дойти, если вам хочется пройтись. Дальше не надо.

У него был негромкий голос, и Мэт расслышал его только потому, что песня в динамике кончилась. На улице грузовик сдавал назад, и сквозь стену доносился ровный писк. Мэт подождал, пока старик объяснит, что случилось с тропой. Тот провёл большим пальцем по краю блюдца, снял с него каплю и вытер палец о штаны.

— Там злой дух живёт, — добавил старик. — У самой горы, где тропа к склону подходит. Я бы на вашем месте пил здесь, пока открыто, а к вечеру уехал.

Люк поднял брови и оглянулся на Оуэна. Мэт успел различить на его лице короткое замешательство, какое у Люка всегда бывало, если он не сразу понимал, шутят с ним или нет. Потом Люк подвинул свою рюмку ближе к краю. Виски плеснулось о стекло и оставило на нём маслянистый след.

— Вы с ним лично пили? — спросил он. — Если он за себя платит, мы Оуэна ему оставим. От него всё равно сегодня денег не дождёшься.

Оуэн фыркнул, спрятал бумажник и отодвинулся, освободив старику место у стойки. Старик встал, взял кепку и подошёл так близко, что Мэт увидел несколько седых волосков, прилипших к внутренней стороне козырька. Мэт убрал локоть с края карты, чтобы ему было лучше видно. Старик даже не опустил глаз на бумагу.

— Если услышишь, что кто-то идёт за тобой, дай ему пройти. Сойди с тропы, если есть куда, и постой. Пускай первым идёт.

На слове «тобой» Мэт понял, что старик обращается к нему одному. Он ещё видел сбоку руку Оуэна на стойке и слышал, как Люк пальцем толкает рюмку, а всё равно ему захотелось оглянуться, словно за табуретом у него уже освободилось место. Он заставил себя смотреть старику в лицо. На нижнем веке у того прилипла крошечная белая соринка, и старик ни разу не моргнул, пока говорил.

— А если там такой же турист, как мы? — спросил Мэт. — Я ему дорогу и так уступлю. Вы про что-то другое говорите?

Старик сжал кепку за козырёк. За его плечом на стене висело зеркало, в котором отражались полки с бутылками и половина двери, и Мэт увидел, что барменша перестала вытирать стойку. Ему вдруг очень захотелось, чтобы она снова заговорила про ручей. Тогда он бы мог спросить её про глубину воды и дальше думать о том, как перейти на другой берег с сухими ногами.

— Это хорошее место для привала, — сказала женщина, придвинув к нему карту с крестиком. — Там с тропы сразу видно, где поставить палатку. Пока светло, вы площадку не пропустите.

Мэт сложил карту и сунул её в карман. Он всё ещё хотел спросить старика, что тот сам услышал у горы и как далеко от него это было. Вопрос уже складывался у него во рту, когда Люк поднял рюмку и стукнул ногтем по стеклу. Оуэн взял свою и подождал, пока Мэт протянет руку.

— За то, что всё-таки приехали, — сказал Люк. — Оуэн, у тебя есть последний шанс сказать, что ты забыл банку с фасолью. Мэт, у тебя тоже есть последний шанс, но я даже боюсь спросить какой.

Мэт улыбнулся, потому что знал, чего Люк от него ждёт. Они выпили почти одновременно, и виски обожгло ему горло до самой груди. Он поставил рюмку и сразу потянулся за водой, чтобы можно было ещё раз посмотреть туда, где стоял старик. Тот уже надел кепку и вернулся к своему столу, оставив обращённый к стойке стул чуть отодвинутым.

Люк оставил деньги у кассы и пошёл к выходу. Мэт отстал на шаг, застёгивая карман с картой, и услышал, как старик поднял чашку с блюдца. Вслед за этим заскребли ножки стула, и Мэт поспешил к двери, прежде чем успел понять, почему ему хочется выйти раньше, чем стул перестанет скрести. Оуэн придержал дверь, и с улицы прямо на них дохнуло жаром.

На тротуаре Люк сразу заговорил о том, куда идти. Он указал вдоль дороги, где над крышами виднелся зелёный щит с изображением ели, и Мэт понял, что вход в парк и правда близко. У машины Люк проверил замки и убрал ключи в карман на молнии. Пока он дёргал за ручку задней двери, Мэт разглядывал своё отражение в стекле и ждал, когда перестанет чувствовать виски в горле.

— Я думал, он сейчас попросит денег за подробности, — сказал Люк, догнав их на переходе. — Есть же люди, которые сперва пугают приезжих, а потом берутся их провожать за пятьдесят баксов. В прошлый раз мы с тобой за парковку отдали больше.

— Ему понадобилось бы для начала узнать, при деньгах ли мы, — ответил Оуэн. — А он, по-моему, вообще не заметил, что ты с ним разговариваешь. Слышал бы ты себя со стороны, когда предложил меня оставить.

Мэт шагал рядом и перекатывал языком привкус виски. Он мог бы пересказать совет старика почти дословно. Про злого духа тот сказал буднично, словно речь шла о соседе, у которого лучше не спрашивать дорогу. Мэт подумал о человеке, который идёт сзади, и осознал, что за последние полквартала уже дважды проверил, не слышно ли четвёртого шага.

Тротуар кончился у водосточной канавы, за которой начиналась гравийная обочина. Там пришлось идти друг за другом. Люк вышел вперёд, Оуэн придержал ветку, пока Мэт перелезал через промоину, и отпустил её только тогда, когда тот успел отойти. С шоссе доносился гул шин, а в канаве между камнями текла вода, оставшаяся после дождя.

Они вышли к широкому въезду. Шлагбаум перекрывал дорогу для машин, рядом оставался проход, а за ним висела зелёная стрелка с надписью «Тропа Червя». Мэт первым заметил доску под маленьким навесом и свернул к ней за планом парка. План был на дальней стороне, а на ближней висели пять листов с фотографиями и одним и тем же словом над каждой — «Разыскивается».

Первой Мэт увидел девочку в бейсболке с закатанным козырьком. На фотографии она щурилась от солнца, а в нижний край кадра попала рука человека, которого при печати обрезали. Ниже висел снимок пожилой женщины на фоне крыльца с пластмассовым креслом. Остальные три лица он оглядел почти сразу, но задержался на мужчине, снятом в полный рост, с рюкзаком на одном плече.

У рюкзака был рыжий клапан и две чёрные полосы по бокам. Мэт нащупал пальцами край собственной лямки и почувствовал подушечкой большого пальца прямоугольную нашивку, точно такую же, как на снимке. Ему даже вспомнилось, как он вынимал свой рюкзак из коробки и думал, что такой цвет легко заметить издалека. Мужчина на фотографии держал ладонь под рыжей лямкой, и Мэт поймал себя на том, что стоит почти так же.

Он наклонился к тексту, прикрывая лист от блика. У мужчины было имя, Дэниел Рид, и возраст, тридцать два года. Дата исчезновения стояла под фотографией, рядом с названием маршрута. Последний раз Дэниела видели у начала Тропы Червя, в зелёной рубашке и тёмных брюках, и именно по этим двум вещам его предлагали узнать тем, кто мог встретить его после.

— Мэт, ты там будешь все даты выписывать? — крикнул Люк от шлагбаума. — Ну ты и трусишка. Мы ещё ни шагу по тропе не сделали, а ты уже выбираешь, какую фотку им прислать.

Мэт выпрямился и чуть не задел лбом край навеса. Он хотел сказать, что рюкзак у того человека точно такой же, но заранее услышал ответ Люка и прикусил щёку изнутри. Рюкзаки продавались по всей стране, а объявление висело там, где его и должны были повесить, у начала маршрута. Оттого, что всё это имело смысл, Мэту почему-то стало только труднее отойти.

— Люди в больших парках постоянно пропадают, — сказал Оуэн, остановившись возле него. — Кто-то сворачивает к воде и теряет тропу, кого-то ищут совсем с другой стороны, потому что родные перепутали вход. Если у тебя есть нормальная карта и ты говоришь, куда идёшь, уже проще.

Он не дёргал Мэта за лямку и не пошёл за Люком. Мэт дочитал мелкую строку под объявлением, где просили сообщать даже о случайных встречах и указывать примерное время. Остальные даты отличались, самая старая была двухлетней давности, а под одной фотографией бумага размокла и высохла морщинами, как будто её давно собирались заменить. Мэт пытался прочитать последнее слово в строке про место исчезновения и никак не мог совместить оборванные буквы.

Он достал телефон и отступил, чтобы в кадр вошла вся доска. На экране пять лиц стали такими маленькими, что осталось видно только, кто смотрит прямо, а кто в сторону. Мэт нажал на кнопку и машинально проверил снимок, приблизив текст под Дэниелом Ридом. Сетку от старых скоб и номер рейнджеров теперь можно было разглядеть лучше, чем вживую.

— Номер на всякий случай, — сказал он Оуэну. — Чтобы потом не искать по всему интернету, если здесь ничего не ловит. Можем идти.

Оуэн кивнул, а Люк, уже с другой стороны шлагбаума, поднял обе руки, изображая восторг. Мэт шагнул к проходу и почти сразу остановился, потому что на экране, который он ещё не погасил, появилась одна полоска сети. Он сдвинулся на полшага обратно, где над канавой не нависали ветви, и открыл переписку с Эммой. Последним от неё пришло фото обгоревшего тоста с вопросом, можно ли считать его углём для гриля.

Он напечатал название парка, потом стёр и начал заново. Эмме ни о чём бы не сказало слово «Белл-Крик», если бы она открыла карту и нашла три города с таким названием. Мэт отправил ей точку у входа и дописал маршрут: Тропа Червя, ночёвка у Молер-Пойнт, завтра возвращаются тем же путём. В конце он пообещал написать, как только выйдет из леса.

Стрелка возле сообщения долго не менялась. Мэт держал телефон на вытянутой руке, точно от этого могли прибавиться ещё несколько метров связи. Он уже собирался шагнуть обратно на обочину, когда появилась отметка об отправке. Эмма обычно присылала что-нибудь сразу, хотя бы короткое «потом прочту», но сейчас её имя вверху экрана так и осталось неподвижным.

— Ты ей про старика написал? — спросил Оуэн. — Потому что я бы написал. Она бы хотя бы оценила, как быстро Люк согласился меня продать.

— Я написал, куда мы идём, — сказал Мэт. — Чтобы она знала, когда от меня ждать вестей. А то опять пришлёт в понедельник сообщение и спросит, почему я пропал в субботу.

Он убрал телефон в карман и прошёл в боковой проход у шлагбаума. Широкая дорожка пошла вдоль канавы, и ещё какое-то время справа между деревьями просвечивали капоты машин. Мэт слышал шоссе так ясно, что по звуку мог отличить проехавший грузовик от легковушки. Когда он оглянулся на доску, объявления уже скрылись за навесом, а на виду остался светлый прямоугольник плана парка.

Дорожка оказалась шире, чем он ожидал, и по ней можно было идти втроём в ряд. На влажном песке виднелись отпечатки велосипедных шин, а возле первой лужи какой-то ребёнок провёл палкой длинную зигзагообразную черту. Мэт переступил через неё и впервые за всё время после бара почувствовал, что плечи у него опустились. По этой дорожке утром наверняка проехал человек с собакой на поводке, а вечером кто-нибудь выйдет пробежаться перед ужином.

У развилки Люк по привычке двинулся по более широкой дорожке, которая полого спускалась влево. Мэт заметил выцветшую оранжевую метку на стволе справа, там, где кусты почти сходились над узкой тропой. Стрелка у въезда была того же цвета по краю, и под ней стоял маленький значок, который он сначала принял за царапину. Теперь этот знак проступил перед ним на отдельной дощечке — одна ломаная черта, загнутая на конце.

— Нам направо, — сказал Мэт. — Видишь метку над кустом? Вон ещё одна дальше, на следующем дереве.

Он первым свернул и приподнял локоть, чтобы заслонить лицо от мокрой ветки. Одна капля всё-таки попала за воротник и прокатилась между лопаток, пока он пытался достать её пальцами. Позади захрустели шаги, и Люк попросил его отпустить ветку, когда Оуэн пройдёт, а не в тот момент, когда он окажется у неё на пути. Мэт подождал, пока оба протиснутся, и пошёл дальше, слыша их совсем близко.

— На обратном пути горелку понесёшь ты, — сказал Люк Оуэну. — Я только сейчас понял, что она у меня поперёк спины лежит. Буду до воскресенья ходить с решёткой, отпечатанной на пояснице.

— Там ещё банки, про которые ты в баре вспомнил, — отозвался Оуэн. — Сначала съешь то, что в них, и посмотри, что у тебя останется. Если по-прежнему будет тяжело, выдам тебе пакетик чая и понесу всё остальное.

Мэт усмехнулся и перешагнул через корень. За следующим деревом тропа заметно забирала вправо, и на коротком открытом участке он снова услышал двигатель на шоссе. Машина приближалась, ровный гул шин становился громче, и Мэт даже поднял ногу над грязной промоиной в ожидании того, как звук дойдёт до самой высокой ноты и уйдёт дальше. Гул оборвался, на середине нарастающего звука.

Мэт поставил ногу на землю и прислушался, ожидая услышать её с другой стороны. Позади Люк начал что-то говорить про чай, Оуэн перебил его, и оба одновременно замолчали, чтобы дать друг другу договорить. В эту короткую паузу за их спинами прошуршало по мокрым листьям, будто кто-то протащил тяжёлый мешок и выпустил его из рук. Мэт задержал дыхание, потому что решил, что сейчас услышит, как тот, кто его тащил, перехватит мешок и пойдёт дальше.

Глава 2

Мэт сошёл с тропы первым. Куст зацепился за пряжку на его груди, и он возился с веткой дольше, чем требовалось, стараясь не смотреть туда, откуда донёсся шорох. Ему хотелось успеть освободить проход прежде, чем из-за поворота появится человек, и сказать ему что-нибудь обычное. «Давайте, мы вас пропустим» вполне годилось, если человек в самом деле шёл следом.

— Постойте у края, — сказал он, когда Люк поравнялся с ним. — Сзади кто-то идёт. Тут удобнее разойтись, дальше опять кусты.

Люк посмотрел на его ботинки, стоявшие в мокром папоротнике, и шагнул к нему. Оуэн остановился на другой стороне тропы и поднял ветку, которую Люк задел рюкзаком. Ветка ещё качалась, когда все трое уже смотрели на поворот. Мэт видел узкую полоску земли между двумя стволами и ждал, когда её заслонит хотя бы носок чужого ботинка.

С верхней ветки упала капля. Она ударила в лист у самой тропы, и лист качнулся, показав светлую изнанку. Мэт заметил, что разглядывает его с такой сосредоточенностью, словно по одному движению листа можно было определить, сколько ещё им ждать. Он вынул руку из куста, и стебель, который он всё это время держал, выпрямился.

— Может, человек шнурки завязывает, — сказал Оуэн и отпустил ветку. — Мы тут целую церемонию устроили. Если ещё минуту простоим, мне придётся ему поклониться.

Мэт вышел на тропу, поглядел вперёд и увидел свежую оранжевую метку на дереве. До неё было шагов двадцать, на таком расстоянии он ещё различал неровный мазок внизу. Он решил дойти до метки и больше не оглядываться, если всё будет тихо. На шестом шаге за спиной опять потянуло по листьям, причём звук занял ровно столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы поставить одну ногу и перенести на неё вес.

Он остановился, и с ним остановились оба друга. Мэт увидел, как Люк, уже открывший рот, повернул голову в ту сторону, откуда они пришли. Оуэн тоже прислушался, слегка склонившись к тропе, но скоро выпрямился и поправил грудную стяжку. Мэт хотел спросить, слышали ли они, и вдруг с особенной ясностью представил, как глупо будет стоять и дожидаться звука специально для него.

— Я могу пойти первым, — сказал Оуэн. — Ты пока смотри себе под ноги, а не через плечо. Чуть не встал пяткой в промоину.

Мэт глянул вниз и увидел тёмную щель в земле у левого ботинка. Оуэн прошёл вперёд, Люк остался за ним, и Мэт теперь замыкал цепочку. Ему было видно, как Люк то и дело оттягивает лямки, чтобы ослабить давление на плечи. Стоило Мэту представить, что за его собственную лямку кто-нибудь потянет снизу, как между лопатками на том месте, куда попала капля, неприятно стянуло кожу.

Он заставил себя не прибавлять шагу. Люк переступил через поперечную ветку, Оуэн задел носком корень, и все эти звуки Мэт без усилия разложил по местам. Шорох возник там же, откуда они только что ушли, теперь прямо за его пятками. Он отдёрнул ногу так поспешно, будто уже наступил на что-то живое, и врезался ладонью в рюкзак Люка.

Люк обернулся, придерживая плечом рюкзак, и спросил, долго ли ещё Мэт будет подталкивать его в гору. Мэт велел ему постоять спокойно и повернулся сам. На тропе лежала та самая ветка, которую Люк переступил, и возле неё была видна бороздка от ботинка. У Мэта мелькнула уверенность, что он сейчас найдёт вторую борозду, гораздо шире, и он испытал почти благодарность, когда разглядел только следы их подошв.

— Наклонись чуть-чуть, — сказал Оуэн, подойдя к нему. — У тебя сзади что-то дёрнулось, когда ты остановился. Дай посмотрю, пока оно совсем не отвалилось.

Оуэн присел у него за спиной. Мэт услышал тихий щелчок пластмассы и почувствовал, как груз у поясницы качнулся, а потом опустился ниже. Он машинально протянул руку назад, чтобы подхватить спальник. Тот лежал в ладони холодным мягким валиком, и Мэту наконец удалось разжать зубы.

Одна из лямок спальника выскользнула из пряжки и почти доставала до земли. Оуэн поднял её конец и показал Мэту прилипший обрывок листа. На ткани остался мокрый след, а по самому краю налип песок. Мэт принялся прикидывать, могла ли такая полоска ткани издать тот звук, и решил, что под грузом она вполне могла волочиться тяжелее, чем ему сейчас казалось.

— Ты же у машины подтягивал, — сказал Оуэн, пропуская лямку обратно. — Тут пряжку надо держать снизу, она перекашивается. Скажи, когда перестанет давить на поясницу.

Мэт наклонился чуть ниже, и Оуэн одним рывком прижал спальник к рюкзаку. На этот раз ничего не болталось, даже когда Мэт подпрыгнул и резко повернулся. Он услышал, как тяжёлая ткань скрипнула о ткань, и этот маленький сухой звук пришёлся ему по душе. Его можно было повторить самому и увидеть, откуда он взялся.

— Теперь моя очередь, пока у нас мастерская открыта, — сказал Люк. — Мэт, придержи снизу, а то меня сейчас вся эта кухня назад перетянет. Оуэн, если найдёшь там ещё что-нибудь страшное, сперва проверь, можно ли это съесть.

Мэт подставил руки под рюкзак Люка и сразу понял, отчего тот всю дорогу жаловался на горелку. Внутри что-то тяжёлое съехало к одному боку, а через ткань прощупывался твёрдый край. Люк невольно откинулся назад, Мэт едва его удержал, и оба расхохотались, когда из рюкзака донёсся звон, будто в темноте сдвинули стопку тарелок. Оуэн потребовал, чтобы они хотя бы секунду постояли прямо, и от этого Мэту стало ещё смешнее.

Потом проверили и рюкзак Оуэна. У него нашлась пустая петля у самого дна, и он заткнул её под ремень, хотя она ни за что не цеплялась. Мэт подождал, пока Люк снова займёт своё место, и пошёл за ними, глядя на закреплённый валик Оуэна. Некоторое время он слышал только их шаги и то, как воздух шуршит в складках его куртки, когда он поднимает руку.

По тропе побежали пятна солнца, и Мэт наконец расстегнул куртку. На открытом участке сухие иглы под подошвами потрескивали так отчётливо, что он перестал прислушиваться к каждому шагу. Он достал бутерброд, который Люк забрал с кухонного стола, и съел половину на ходу. Только когда пришлось завернуть остаток липкими пальцами, Мэт понял, что уже несколько минут ни разу не вспомнил про старика.

Воду они услышали раньше, чем увидели. Сначала Мэт принял её за далёкий шум шоссе, но она никуда не уезжала и с каждым шагом делалась отчётливее. Тропа пошла вниз, и над берегом показался один конец доски, привязанный к металлической скобе. Другой конец бился в воде и то скрывался целиком, то опять показывался, тёмный и гладкий, словно его обтесало течением.

Мэт вынул карту. Барменша утром видела воду в колеях и предупреждала, что доску могло смыть, но до этой минуты ему казалось, что она просто перечисляла вещи, которые могут случиться после дождя. Он нашёл отмеченную площадку на дальней стороне и прижал край карты большим пальцем. Бумага в том месте, где её промокнули в баре, высохла волной и теперь упрямо поднималась.

Люк спустился к самому краю, поставил ботинок на плоский камень и прикинул расстояние до другого берега. Там из воды выступал узкий язык песка, тёмный от влаги. Мэт заметил, что песок осыпается тонкой струйкой прямо под корнями, и ему вдруг стало легко представить Люка уже в прыжке, когда указать на это будет поздно. Он позвал его обратно, прежде чем тот успел опробовать камень второй ногой.

— Там и двух метров нет, — сказал Люк. — Я могу скинуть рюкзак и сначала прыгнуть без него. Потом приму ваши, если вы их бросите по одному.

— Там берег подмыло, посмотри под корнями. Давай пройдём вверх, пока ещё видно, куда ставить ноги. Если ничего не найдём, вернёмся и будем думать про твои два метра.

Люк некоторое время смотрел на тот берег. Мэт видел, как он переносит вес с носка на пятку, и держал карту развёрнутой, чтобы занять руки. Оуэн первым полез вверх по берегу и велел обоим захватить рюкзаки, потому что возвращаться за ними он точно не станет. Когда Люк поднялся с камня, из-под его подошвы в воду съехал комок песка, и течение подхватило его раньше, чем Мэт успел отследить, куда он упал.

Выше по течению берег оказался заросшим и крутым. Мэту приходилось держать карту зубами, пока он обеими руками раздвигал ветки, и скоро у неё размок угол. Дважды они выбирались к воде, дважды возвращались на склон, потому что напротив не было места, где встать. Через двадцать минут Мэт начал думать, что Люк у доски и впрямь мог допрыгнуть.

У поваленной ольхи ручей расширился. Над поверхностью торчали три камня, и между последним и берегом вода едва прикрывала гальку. Мэт присел, чтобы разглядеть дно, и заметил под водой тень от собственной руки. На этой мелкой прозрачной воде всё снова подчинялось знакомым правилам, и ему впервые с поворота захотелось просто постоять и посмотреть, как течёт ручей.

— Здесь по одному, — сказал он. — Первый камень сухой, второй скользкий по краю. Последний шаг можно прямо в воду, там по щиколотку и дно видно.

Он перешёл первым. На втором камне подошва и правда чуть подалась, но Мэт успел перенести вес вперёд и с последнего камня шагнул на полоску гальки у берега. Оуэн дождался, пока он выберется на сухое, и прошёл следом, широко расставив руки. Оказавшись рядом с Мэтом, он снял рюкзак и поставил его повыше, чтобы было удобнее встретить Люка.

— На среднем левее бери, — крикнул Мэт через воду. — Там шершавая сторона. Я сейчас сам на гладкую наступил, чуть не сел.

Люк поднял большой палец и вышел на первый камень. На втором он поставил ногу с левого края, как просил Мэт, но плоская часть качнулась под его весом. Мэт увидел, как Люк вскинул подбородок, пытаясь удержать равновесие, и на секунду из-под куртки показался белый край футболки. Потом одна нога ушла с камня по щиколотку, вторая угодила в выемку между камнями, и вода хлынула в ботинки сверху.

Мэт спустился с гальки в ручей, упёрся одной ногой в камень и протянул Люку руку. Тот вцепился в неё так, что Мэт почувствовал большой палец Люка на своей косточке даже сквозь перчатку. Пока Люк пытался выдернуть застрявшую ногу, Оуэн обошёл Мэта по краю, ухватился за верхнюю ручку рюкзака и потянул на себя, снимая с Люка часть веса. Ботинок вышел с коротким чавканьем, и втроём они вывалились на гальку.

Люк сел, вытянув ноги перед собой, и заглянул в голенище правого ботинка. Мэт снял перчатку и увидел, что она насквозь промокла. Он сжал её над водой, и между пальцами потекла тонкая холодная струйка. Когда он снова посмотрел на Люка, тот всё ещё держал голенище раскрытым и дышал ртом, будто только что вынырнул.

— Переобуйся, если взял запасное, — сказал Мэт. — Или давай хотя бы носки выжмем. Дальше подъём, натрёшь ноги за десять минут.

— Можно я сперва посижу? — резко ответил Люк. — Я и без тебя знаю, в какой части ботинка у меня вода. Дай мне хоть до трёх досчитать.

Мэт положил перчатку на камень и отвернулся к ручью. В шуме воды было легко притвориться, будто он не расслышал последней фразы, и некоторое время он следил за пузырьками у корней ольхи. Потом рядом с его коленом упало что-то мягкое. Люк выудил из верхнего кармана рюкзака пару шерстяных рукавиц и бросил Мэту одну, правую.

— На, у меня там две. Сам я, как видишь, предусмотрел всё, кроме второй пары ног. Давай носки поменяю, а ботинки до лагеря потерплю.

Мэт натянул рукавицу. Она была велика и сохранила тепло кармана, и от этого прикосновения рука вдруг задрожала сильнее, чем на холоде. Он спрятал мокрую перчатку в наружную сетку и придержал Люку рюкзак, пока тот доставал сухие носки и выливал воду из ботинок. Оуэн отжал над ручьём край Люковой штанины, за что получил мокрым носком по плечу.

Обратно к тропе они шли по дальнему берегу. Мэт слышал, как у Люка на каждом шаге хлюпает в правом ботинке, и иногда оглядывался, проверяя, успевает ли тот за ними. У места, где доска билась о камни, они поднялись по склону и нашли оранжевую метку на ели. Ручей ещё долго шумел внизу, а потом тропа вывела их за гребень и стало слышно, как в рукавице Мэта шуршит ноготь, когда он сгибает большой палец.

Он поднял голову, ожидая, что теперь услышит птиц. Ветки над тропой казались достаточно густыми, чтобы спрятать целую стаю, и при каждом шаге взгляд натыкался на место, где могло что-то сидеть. Мэт попытался вспомнить, когда в последний раз слышал хоть одну птицу, и перебрал в уме брод, склон и тропу до ручья. Последний звук, который он мог с уверенностью приписать живому существу, издал Люк, когда наконец выдернул ногу из воды.

Люк попросил сбавить шаг уже на подъёме. Мэт остановился у дерева с белой табличкой, на которой стояли две стрелки и было написано «Половина маршрута». Он посмотрел на часы и вычел из оставшегося света время, которое они потратили до ручья и после него. Вторую половину предстояло пройти почти целиком в гору, а солнце уже скрылось за верхушками на их стороне склона.

Мэт вынул карту и нашёл крестик, который барменша поставила у метки. От тропы справа отходила полоса примятой травы, а за ней виднелась ровная земля между двумя стволами. Мэт шагнул туда, нажал каблуком на грунт и убедился, что из-под него не выступает вода. Когда он вернулся к табличке, Люк сидел на поваленном дереве и незаметно тёр пятку о кору.

— Здесь и встанем, — сказал Мэт и показал крестик. — С дороги видно, а под палатку места хватит. Утром можем выйти пораньше и спокойно дойти до горы.

— Мы могли бы ещё час пройти, — сказал Люк. — Станем где-нибудь повыше, там хоть носки просохнут. Я у ручья уже один раз сел, мне теперь через каждые сто шагов предлагать привал будете?

Мэт сложил карту. На обратной дороге ему пришлось бы объяснить Эмме, почему он назвал ей место ночёвки, до которого они так и не дошли. Эмма наверняка ответила бы, что можно было просто написать ещё раз, и Мэт машинально проверил телефон. На месте полосок связи стоял пустой значок, а под отправленным сообщением по-прежнему ничего не было.

Люк поднялся с бревна и сделал два шага, прежде чем остановился. Он несколько раз упёрся носком в землю, сдвигая стельку, и так и остался стоять с чуть приподнятой пяткой. Мэт убрал телефон и сделал вид, что рассматривает карту, пока Люк сам не заговорил. Тот ткнул ботинком в траву и кивнул на площадку.

— Ладно, до темноты так только время потеряем. К утру, может, подсохнут. Ставим сейчас, пока я хотя бы вижу, где у меня шнурки.

Оуэн снял рюкзак и бросил Мэту чехол с дугами. Мэт вышел на площадку и обошёл её по краю, пока Люк собирал с земли ветки и шишки. С дальней стороны лес подступал вплотную, и Мэт выбрал место ближе к тропе, где вход в палатку можно было развернуть к просвету. Он прикинул, сколько шагов понадобится в темноте, чтобы от молнии дойти до оранжевой метки, и насчитал семь.

Каркас собрали втроём. Люк держал край полотнища, Оуэн вставлял дуги, а Мэт давил колышек каблуком и чувствовал, как тот застревает на корне. Пока Оуэн натягивал тент, Мэт переставил колышек ближе к тропе и прижал ладонью землю вокруг него. Грунт был влажный и холодный уже под самым верхним слоем, хотя на открытом месте ещё держалось дневное тепло.

— Чуть левее встань, Люк, — сказал Мэт, когда тот понёс ботинки к палатке. — Я Эмме потом покажу, где мы спали. Только рюкзаки из кадра не убирайте, пусть хоть раз увидит, сколько мы на себе таскаем.

Люк поднял оба ботинка за шнурки, по одному в каждой руке. У него за плечом Оуэн распутывал растяжку и только в последний момент поднял лицо к телефону. Мэт сделал снимок, пока тот ещё щурился, и на мгновение задержал палец над экраном. За друзьями, между стволами, получилась совершенно чёрная полоса, хотя, когда он поднял глаза, в том же просвете виднелись папоротники.

— В тамбур их, — сказал Оуэн, когда Люк наклонился с ботинками. — Я туда же верёвку положил, справа от входа. Если полезете ночью, нащупаете её раньше, чем наступите на его носки.

Мэт заглянул под полог. Ботинки лежали на боку, носками к выходу, а рядом белел моток верёвки, перехваченный синей стяжкой. Он придержал полог, пока Люк вынимал из ботинок стельки, и поймал себя на том, что посматривает через плечо туда, где на снимке вышла темнота. Оуэн тем временем вынул горелку и стал крутить вентиль, а Мэт отошёл к рюкзакам за ужином.

К тому времени как закипела вода, свет остался только на верхушках деревьев. Мэт сел на свёрнутый чехол от палатки и держал миску обеими руками, пока Оуэн раскладывал фасоль. У горелки было слышно, как лопаются пузырьки соуса и Люк скребёт ложкой по дну банки. За этими звуками можно было провести весь ужин, если вовремя просить добавки и отвечать, когда к тебе обращаются.

— Если завтра придётся сюда возвращаться за ботинками, я оставлю их тому, кто найдёт, — сказал Люк. — Прямо на табличку повешу, по одному на каждую стрелку. По крайней мере, люди будут знать, где у них половина пути.

— Вот ты смеёшься, а в прошлом году мы бы за такую табличку деньги отдали, — сказал Оуэн. — Помнишь, как полезли вдоль ограды и ты уверял, что видишь крышу будки у ворот? Мы потом минут двадцать шли к какому-то железному листу, застрявшему в ветках.

Мэт помнил тот лист. Ветер приподнимал его край, и всякий раз блеск казался ближе, хотя они шли вдоль забора, который постепенно уводил их от дороги. Мэт тогда первым увидел, что один и тот же столб с обрывком проволоки попался им дважды. Он долго молчал, прежде чем предложить остановиться, и успел придумать три объяснения, почему на разных столбах могла быть одинаково загнута проволока.

— Там и впрямь было похоже на крышу, пока к нему не подошли. — Люк вытер ложку о кусок хлеба и посмотрел на Мэта. — Я бы тогда ещё дальше полез, если бы ты нас не остановил. Мне уже так хотелось дойти до этих дурацких ворот, что я бы и второй такой лист принял за крышу.

Мэт подвинул к нему банку, в которой оставалось ещё немного соуса. Он ждал, что Люк добавит шутку про сегодняшнюю доску или про старика, и успел даже придумать, что ответит. Люк только соскрёб остатки со стенок и протянул миску, чтобы Мэт разделил с ним хлеб. Пальцы у него были тёплые и сухие, и Мэт вспомнил, как крепко они сжали его руку в ручье.

Оуэн достал телефон и поставил будильник на шесть. Люк попросил дать ему ещё пятнадцать минут, потом согласился на десять и тут же заявил, что всё равно проснётся раньше всех, потому что Оуэн вечно ищет телефон на ощупь и успевает разбудить половину леса. Мэт сложил пустые банки в пакет и завязал ручки. Когда Оуэн выключил горелку, пламя ушло внутрь с коротким вздохом, и Мэт опять услышал, как у Люка под ногой приминается трава, пока тот в шерстяных носках пробирается к палатке.

В палатку влезали по одному. Мэт подождал снаружи, пока друзья расправят спальники, и посветил вдоль площадки, от дальней стенки тента до тропы. Оранжевая метка отразила свет ярче, чем он ожидал, а над ней из темноты проступила полоска коры, содранной чьим-то

ремнём или верёвкой. Потом луч соскользнул с дерева, и Мэт поспешил вернуть его к палатке, прежде чем глаза начали различать что-нибудь ещё.

Оуэн устроился с краю и положил телефон у головы экраном вниз. Мэт убрал рюкзак в ноги, так что боковой карман с недоеденным бутербродом упёрся в его пятку, и положил фонарь на сложенную куртку у плеча. В палатке пахло сырой обувью и хлебной коркой, а через ткань время от времени падала тяжёлая капля с ветки. Люк долго ворочался и напоследок попросил, чтобы утром ему дали самому решить, высохли ботинки или нет.

— Сначала спросим у тебя, потом у ботинок, — сказал Оуэн. — Я уже всё придумал, так что можно спать. И если мой телефон зазвонит, просто ткните меня в бок.

Мэт выключил фонарь. Оуэн ещё немного шуршал спальником, Люк кашлянул в рукав, а потом стало так тихо, что Мэт расслышал, как молния его спальника скребёт о ноготь. Он убрал руку и подождал следующей капли. Снаружи вместо неё раздалось знакомое волочение, низкое и мягкое, и на этот раз Мэт услышал, как листья шуршат ещё мгновение после того, как тяжесть остановилась.

Он подогнул колено, дотянулся до своего рюкзака и нашёл спальниковую лямку. Она была сложена вдвое и заправлена под пряжку, точно так, как её оставил Оуэн. Мэт потянул за конец, чтобы убедиться, что тот держится, и оставил ладонь на мокрой пряжке. Через стенку палатки ничего больше не доносилось, и через несколько минут он заметил, что слушает уже только ровное дыхание Люка.

Надо было убрать руку и лечь удобнее. Мэт сделал это осторожно, потому что, пока он держался за пряжку, ему казалось, что он ещё может спросить Оуэна, слышал ли тот шорох, и получить какое-нибудь простое объяснение. Потом он накрылся до подбородка и положил пальцы на корпус фонаря, чтобы нащупать его в темноте. Он успел почувствовать, как металл нагревается под пальцами, и заснул.

Глава 3

Мэт проснулся с поднятой рукой. Пальцы всё ещё лежали на фонаре, но кисть он выгнул так, словно собирался поднять его над головой. За палаткой что-то протискивалось сквозь кусты, и отдельные ветки, высвобождаясь, хлестали по соседним. По тому, как долго они продолжали хлестать в одном месте, Мэту представилось длинное тело, которое всё ещё ползло мимо уже примятого куста.

Он лежал и ждал звука лап. Днём, пока они стояли у поворота, он ждал, что из-за деревьев покажется носок ботинка, а теперь ему хватило бы одного удара по земле, чтобы решить, что это зверь. Шорох стал тише, переместился к дальнему углу палатки и там оборвался. Из-под спальника Люка высунулась рука и легла на пол ладонью вверх.

Мэт нажал кнопку фонаря, накрыв стекло ладонью. Красноватый свет проступил между пальцами, и он разглядел куртку под своим локтем, рюкзаки в ногах и телефон Оуэна возле его щеки. Оуэн дышал глубоко, с короткой паузой перед каждым выдохом. Мэт успел дважды принять эту паузу за признак того, что друг тоже прислушивается.

Он натянул куртку поверх футболки, сел и стал отводить молнию, придерживая ткань другой рукой. Ему хотелось сперва взглянуть наружу, а потом уже решать, будить ли их. Утром Люк обязательно спросил бы, что он видел, и Мэт заранее слышал собственный ответ про темноту и кусты. Если бы он сейчас нашёл ветку, которой ветер водил по тенту, ему больше не пришлось бы никого звать.

В тамбуре он всунул ноги в ботинки и затянул шнурки ровно настолько, чтобы не наступить на концы. Справа белел моток под синей стяжкой, рядом лежали ботинки Люка с вытащенными стельками. У самого полога на земле темнел влажный отпечаток, и Мэт на секунду принял его за след. Луч скользнул ниже, и стало видно, что с носка одного ботинка натекла маленькая лужица.

Снаружи Мэт выпрямился и повернул фонарь к оранжевой метке. Ещё до сна он отсчитал от неё до палатки семь шагов и теперь был благодарен себе за эту глупость. Метка нашлась сразу, за ней тропа светлела на повороте и уходила вниз к ручью. Тот всё ещё шумел, когда Мэт подставлял ухо в сторону спуска.

Мэт обошёл палатку со стороны тропы. У каждой оттяжки он опускал луч к земле, ожидая увидеть согнутый колышек, клочок шерсти или хотя бы след в грязи. Верёвки натянулись от сырости, и когда он тронул одну пальцем, она отозвалась мелкой дрожью. Мэт убрал руку, а дрожь ещё мгновение держалась под ногтем, будто он всё ещё касался верёвки.

За дальним углом он увидел мокрые листья, блестевшие так ярко, что сперва свет выхватил только их. Мэт поднял фонарь выше, нашёл ствол за кустом и попробовал рассмотреть, есть ли что-нибудь между ним и следующим деревом. Луч туда доставал, но за каждой освещённой веткой оказывалась другая, за ней третья, и Мэт скоро потерял из виду самый первый куст. Он переставил ногу, чтобы посмотреть с другого места, и сухая чешуйка коры хрустнула у него под подошвой.

Несколько секунд он слушал только себя. Шорох стих, пока он светил в кусты, и теперь Мэт уже мог представить, как заберётся обратно, снимет ботинки и до утра будет считать его зверем, которого спугнул свет. Он повернулся к тамбуру и сделал два шага. На третьем у него за спиной, там, где он только что стоял, листья сдвинулись разом, будто по ним протащили что-то тяжёлое.

Всё тело подалось вперёд, словно от одного лишнего шага он мог оказаться там, где тянуло воздухом от тропы. Ворот куртки был расстёгнут, и Мэт вдруг почувствовал, как холодит кожу у самого затылка. Ему хотелось сперва поднять плечи и спрятать шею, потом уже

поворачиваться. От этой мысли он так разозлился на себя, что перехватил фонарь обеими руками.

Мэт резко повернулся, и луч ударил в нижние ветви. В трёх шагах от него покачивался папоротник, но пока он старался удержать его в светлом круге, за ним уже ничто не шевелилось. Мэт отступил, подцепил голенью оттяжку и едва не выдернул колышек. Тент дёрнулся, изнутри кто-то сонно выругался, и Мэт впервые с тех пор, как вышел, обрадовался тому, что его услышали.

Он шагнул через верёвку и нащупал собачку молнии. Руки плохо слушались, поэтому он придержал полог локтем и потянул всем кулаком. Звук разошёлся по всей палатке, и Оуэн поднял голову раньше, чем Мэт успел просунуться внутрь. Лицо у Оуэна было мятое, с полосой от спальника на щеке.

— Встаньте на минуту, — сказал Мэт. — За палаткой что-то ползёт, я два раза слышал. Второй раз совсем близко, прямо там, где я только что стоял.

— Если оно влезет, пускай само за собой застёгивает, — сказал Оуэн. — Нам с утра и так холодно будет. Убери свет, пожалуйста, у меня в глазах уже кружок от твоего фонаря.

Он натянул спальник на плечо и отвернулся. Люк приподнялся на локтях и несколько раз моргнул, глядя то на Мэта, то на открытый вход. Мэт заметил у него на щиколотке красную полоску, оставленную мокрым ботинком, и почему-то обрадовался возможности смотреть на неё, пока объяснял, где слышал шум. Люк сел и растёр обе ноги ладонями, словно решал, стоит ли ради этого вставать.

— Давай я выйду с тобой, — сказал он наконец. — Ты покажешь, где шуршало, а я покажу тебе куст, который решил тебя сожрать. Потом ляжем и до шести никто больше никого не спасает.

Люк нашарил телефон под своей курткой и прополз мимо Мэта в тамбур. Там он взялся за один ботинок, сунул руку внутрь и тут же вытащил, поморщившись. Мэт предложил ему свои ботинки, но Люк уже отодвинул мокрую пару к верёвке. Он стянул сухие носки, засунул их в карман и опустил босые ноги на землю.

— Пять шагов туда, пять обратно, — сказал он. — Я дольше у ручья носки менял. Посвети сперва, где верёвка, а то ещё палатку за собой утащу.

Мэт поднял фонарь и провёл лучом по натянутой оттяжке. Люк высоко переступил её и встал, растопырив пальцы ног на мокрой траве. На одной пятке у него прилипло круглое семечко, и Мэт успел разглядеть, как оно отвалилось на следующем шаге. От этого маленького движения ему вдруг стало особенно не по себе, потому что босые ноги Люка выглядели здесь так, будто он вышел из дома на крыльцо и вот-вот вернётся.

Мэт показал ему папоротник у дальнего угла. Люк подошёл, придерживая телефон у бедра, и пошевелил куст пальцами. Папоротник задел соседнюю ветку, та щёлкнула, и на тент упало несколько капель. Мэт услышал все три звука порознь и понял, что Люк сейчас обернётся, а потом ему придётся как-то объяснить, чем тот шум отличался.

— Слышишь, вода на ветках, — сказал Люк. — Стоит подуть, и тут всё по очереди шевелится. Погоди, я с той стороны гляну, там что-то лежит у ствола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.